

БАРАБА

Раньше в Сибири было очень много богатырей. Простора им хватало, и они в основном занимались охотой и освоением новых, наиболее удобных мест.

А есть в Сибири степи, которые полюбили все богатыри. Были эти степи богатые добычей, и постоянно в этих местах собиралось столько батыров*, что между ними стали часто возникать ссоры и недоразумения из-за территории.

Уступать эти места они друг другу не хотели, и поэтому вскоре между ними началась большая битва. Долго бились они на бес-

крайних просторах Сибири. Туловища их до пояса уходили в землю, мечами в земле прорубали такие расщелины, что потом в этих расщелинах образовывались русла рек, а ногами вытаптывали такие ямы, что впоследствии образовывались озёра и болота. Страшная была битва.

Но вот после снежной зимы наступила тёплая весна, и все неровности и впадины заполнила талая вода, и образовалось множество озёр и речек. И как в память о той великой битве сибирских батыров, эти места в степи нарекли Барабой, что в переводе означает «многоводье».

---

* Батыр – богатырь (сиб.)

БЕРДЬ

В своё время в Сибири властвовал хан Кучум. Однажды его сын отличился в большой битве, и отец в награду отдал ему большую площадь земли с протекающей на ней рекой.

– Бери, сынок, и владей! Ты это заслужил! – с гордостью в голосе сказал Кучум. – Ты у меня настоящий батыр!

– Отец, а как называется эта земля и река? – спросил сын.

Отец задумался.

– А зачем тебе это знать, сын мой? Сибирь ведь и так вся наша!

– Сибирь, отец, вся твоя, а мне бы хотелось знать, как называется то место, которым владеть буду я.

– Ну что ж, – задумчиво произнёс Кучум, – так как у этой местности нет названия, а я, объединив всё это, дарю тебе, то пусть будет называться Бердью, так как на нашем языке единство звучит как «бердышь».

Хотя сын и получил в наследство землю, он не стал отделяться от отца, и эта местность так и осталась в составе сибирской земли под названием Бердь.

СОКРОВИЩА ХАНА КУЧУМА

Кучум сидел в своей юрте и раздражённо вытирал платочком слезящиеся гноем глаза. Душу его раздирали противоречия и сомнения: его вотчину, его исконное ханство – Сибирь – основательно завоевывали и одолевали русичи.

Раньше ханские воины налетали на Русь, грабили, убивали русичей и возвращались в родные пенаты всегда с богатой добычей

и пленниками. И скопилось добра у Кучума великое множество. Одних драгоценностей было только несколько десятков кованных сундуков...

Но вот пришли в Сибирь казаки во главе с атаманом Ермаком и стали теснить людей хана в глубь Сибири, не позволяя совершать на Русь разорительные набеги, и грабить русскую землю, и неволить русский люд.

Расстроился хан Кучум. Но поделать уже ничего не мог. Казаки всё дальше и дальше отгоняли его воинов от границ государства российского. И решил тогда владыка Сибири на хитрость: окружили ночью стан казаков и, убив часовых, устроили кровавую резню.

Вскинулся атаман Ермак Тимофеевич среди ночи от звона сабель, диких криков и всполохов огня и молний и понял, что захватили их стан вражеские полчища. Собрал тогда атаман старых и раненых казаков, которым была уже непосильна жестокая сеча, и приказал им уходить, забрав с собою всю казну казацкую вместе с золотой кольчугою и доспехами, которые ему подарил государь всея Руси Иван Грозный в награду за завоевание Сибири. А сам, надев боевую кольчугу, с остальными казаками поспешил отбивать нападки врага. Но слишком неравными были силы, и супостаты всё больше стали теснить казаков к крутым берегам Иртыша. Всё меньше оставалось казаков, много их полегло под ударами сабель и острых стрел неприятеля.

С кучкой оставшихся в живых Ермак постепенно отступал к реке, отвлекая внимание противников от направления ухода тех казаков,

которым доверено было сохранить их общую казацкую казну.

Несколько казаков уже прыгнули в лодки и кричали Ермаку:

– Атаман, прыгай!

Ермак саблей отмахнулся от наседавших врагов и прыгнул с обрыва в лодку, но набежавшая волна оттолкнула чёлн, и лихой атаман промахнулся и упал в воду. Сидевший за вёслами казак протянул руку помощи атаману, но его самого в тот момент пронзила стрела, и казак через борт перевалился в быстрые воды Иртыша.

Могучим усилием своего сильного тела Ермак рванулся к лодкам, надеясь всё-таки доплыть, невзирая на тяжёлую кольчугу, которая сковывала в воде движения хозяина. И уже до лодки осталось немного – рукой подать – но в этот миг вражеская стрела угодила между кольчугой и шлемом и пробила шею атаману. Глухо застонав от пронзившей его боли, Ермак Тимофеевич из последних сил ещё раз рванулся к лодке, но силы оставили его вместе с вытекающей кровью, и могучее тело грозного атамана медленно погрузилось в бушующие от непогоды, тёмные воды ночного Иртыша.

Хан Кучум торжествовал победу, но, обыскав весь стан казаков, понял, что казацкая казна исчезла. Тогда он снарядил погоню за уцелевшими казаками из самых лихих джигитов во все концы Сибири.

А казаки, забравшие казну и всю добычу, старательно уходили от возможной погони, которую, как они понимали, всё равно пошлёт Кучум им вдогонку. Они знали, насколько жесток и коварен Кучум, как он хитростью погубил Ивана Кольцо, какая участь ожи-

дает казаков, которые остались биться насмерть, прикрывая их отход, и что также начнётся охота на них и на казацкую казну, которую они берегли как зеницу ока.

Но, видимо, и их удел был столь же печален и трагичен, как и тех казаков, которые своими жизнями прикрывали их отход. Больше недели хранители казны плутали по бескрайним сибирским лесам, уходя всё дальше и дальше от того страшного побоища. И, кажется, совсем было уже оторвались от погони и даже сами немного успокоились. Казаки разбили стан в небольшом перелеске, развели костёр, поужинали и крепко уснули, устав от бесконечных переходов.

Но недаром в те времена Сибирь была вотчиной татар, и местонахождение скрывающихся казаков было замечено кочевыми племенами, которые не замедлили доложить джигитам Кучума о русских пришельцах.

Свора Кучума, как стая подлых шакалов, таким же образом расправилась и с этими казаками: их сонными порезали, а головы поотрубали и надели их на вколоченные в землю колья. Свершив своё кровавое злодеяние, татары, захватив казацкую казну, заторопились к хану, а в стане остались лежать изуродованные казацкие тела, а их отрубленные головы висели на кольях, безмолвно глядя вдаль незрячими уже глазами. И ещё долго их седые казацкие чубы развевались на сибирских суровых ветрах.

Позднее та местность покрывалась ковылём, напоминая казацкие чубы, развевающиеся на ветру, а плоды калины, разросшейся там же, напоминали кровь, пролитую русичами на сибирской земле.

Впоследствии возникшую на этом месте деревню назвали Ковыльное, а соседнюю с ней – Калиновой.

Как полнится земля слухами, потом на это место приезжали родственники порубленных казаков, и женщины горько оплакивали своих убиенных мужей, отцов, сынов... И настолько велико было их горе, что от их слёз образовалось в том месте озеро, в котором от слёз до сих пор осталась солоноватая вода. И с сих пор местные жители до наших дней зовут это озеро Солёным.

А чуть подальше озеро назвали Глубоким, когда одна вдова убитого казака выплыла на лодке на середину озера и, привязав к ногам камень, бросилась за борт. И сколько её потом ни искали, найти не смогли.

– Глубокое, однако, озеро, – пробормотал один из спасателей.

Так с тех пор и зовут это озеро Глубоким. А лодку, на которой плавала эта вдова-самоубийца, угнало в камыши ветром, но с тех пор на неё никто не садился, и она сгнила в камышах.

Впервые за много дней Кучум рассмеялся, увидев, как верные нукеры притащили казацкую казну, а вместе с ней и золотую кольчугу, дар царя Ивана Грозного бесстрашному атаману Ермаку Тимофеевичу.

Но Русь уже постепенно надвигалась на новые земли, и Кучуму поневоле пришлось убираться в глубь Сибири под напором русских воинов. Он собрал все свои несметные сокровища, снарядил ими обозы, и татары двинулись по бескрайним просторам Сибири, спасаясь от нашествия русичей, которых в своё время безжалостно грабили, убивали, пленили...

Хан собрал отряд из самых сильных и ловких джигитов и велел обозы с драгоценностями вернуть к озеру Чаны, которое находилось в это время недалеко от их направления, а остальные обозы татар направились дальше.

Прибыв на берег озера, джигиты по повелению хана сноровисто связали несколько брёвен крепкими верёвками, и у них получился огромный плот. На этот плот они составили все сундуки Кучума и отплыли от берега. А сам хан Кучум со своим верным слугой Хакимом пошли к лодке, спрятанной в камышах, чтобы сопровождать драгоценный груз и запомнить то место, где он собирался затопить свои сокровища.

Джигиты уже основательно отплыли от берега, а Кучум со слугой замешкались на берегу, отвязывая лодку, как вдруг раздался первый выстрел, и один из джигитов, сраженный пулей, сразу же рухнул в воду. Остальные схватились за луки и стали отстреливаться от передового отряда казаков и стрельцов, посланных на подмогу Ермаку Тимофеевичу, но не успевших спасти атамана. Тогда они стали преследовать убежавших татар и наткнулись на ханских джигитов, пытавшихся спрятать награбленные на Руси сокровища Кучума.

Завязалась битва. Татары были, конечно, в невыгодном положении: на чистом плёсе, вооружённые одними луками, они быстро пали под огневой мощью стрельцов и казаков. Вдруг одна пуля попала в крепёжный узел плота. Верёвка лопнула, и плот развалился. Все сундуки с сокровищами сразу же ушли на дно вместе с ранеными и убитыми на плоту татарами.

Кучум со слугой кинулись к лошадям, стоящим в ближай-

шей роще, и помчались догонять остальных отступающих татар.

На ту беду из леса вышла женщина с двумя детишками. Они собирали ягоды и, услышав стрельбу и крики, вышли на край леса. Увидев, что здесь происходит, мать с детишками кинулась опять в лес, но Кучум со слугою настигли их на конях и порубили, чтобы избавиться от лишних свидетелей, а трупы сбросили в воду, чтоб их не обнаружили стрельцы. Затем догнали своих соплеменников, и дальнейшие следы их пребывания затерялись в бескрайних просторах Сибири...

Прошло много лет. В одной деревне, стоящей на берегу озера Чаны, жил парень Матвей, которого за красоту любили все девчата. Парень это понимал и страшно этим гордился, хотя, если честно говорить, то умом-то он шибко не блистал.

И вот однажды собрался Матвей на рыбалку. Собрал все снасти и выплыл на озеро. Сети решил поставить в одной из заводей подальше от села, где он ещё ни разу не ловил. Вечерело. Солнце уже приближалось к закату. На небо уже высыпали и весело мерцали первые звёзды, но ещё было достаточно хорошо видно. Самое благодное время для браконьеров. Вокруг стояла тишина, и лишь только мелкая зыбь плескалась в борту лодки.

Матвей не торопясь ставил сети, перебирая огрубевшими от работы пальцами тонкий поводок снастей. Вдруг ему показалось, что кто-то тронул его за спину. Парень обернулся, но никого не увидел.

– Что за наваждение? – удивился он и стал продолжать заниматься своим делом. А за ним в это

время из камышей наблюдали несколько русалок, перешёптываясь о его красоте и посмеиваясь между собой.

Матвей закончил ставить сети, закурил и вдруг обратил внимание, что из воды возле лодки высунулась рука.

– Неужели утопленник? – ужаснулся рыбак, но увидел, что рука эта как бы манит его к себе. Заинтересованный этим, парень перегнулся через борт, чтобы лучше рассмотреть, кто это там балуется, как вдруг из воды вынырнула обнажённая девушка и, обхватив Матвея за шею, стащила его в воду. Вначале парень сильно испугался и рассердился, но затем, увидев, что его окружают обнажённые девушки, расслабился и стал заигрывать с ними.

– А ты меня смог бы полюбить? – со смехом спросила первая девушка, которая больше всех оказывала юноше знаки внимания.

– А хватит ли у тебя денег, чтобы содержать меня? А то ведь сейчас, после перестройки, безработица очень большая, – осознавая значимость своей красоты, важно спросил Матвей. В это время подплыли другие девчата и стали со смехом раздевать его, так как в одежде Матвею всё труднее становилось плавать.

– Да у меня богатства больше, чем у дурака махорки! – со смехом отозвалась избранница.

– Покажи! – твёрдо упёрся на своём ещё не состоявшемся женихе.

– Садись в лодку – и поплыли, – задорно предложила девушка и быстро поплыла вперёд.

– Ого, как быстро плавает! – удивился парень. – Пожалуй, я её и впрямь не догоню. Поплыву-ка

я лучше на лодке, а то отстану от неё, вот смеху-то будет.

Он кое-как взобрался на лодку, не обращая внимания на то, что из одежды на нём были только носки, и то сильно дырявые, и изо всех сил погрёб следом за девушкой, не замечая даже того, что остальные девчата следят за ним и давятся от смеха.

Они доплыли до густых зарослей камыша, который рос прямо посередине плёса.

– Вот здесь мои богатства! – обернувшись к парню, воскликнула девушка. – Нырять – и всё будет твоим!

Матвей нырнул и в лучах ещё заходящего солнца смог разглядеть несколько сундуков, стоящих на дне. Дальше в потёмках глубины виднелись ещё силуэты похожих сундуков, но Матвей подплыл к ближнему, поднял крышку и увидел, что сундук полон драгоценностей. Но воздух в лёгких уже закончился, и парень с шумом вынырнул из воды. На радостях он стал обниматься с девушкой.

– Конечно, я тебя буду любить, да ещё и как! – орал он так, как будто его щекотали за пятки. В порыве страсти он всё сильнее и плотнее обнимался с девушкой, целуя её и стараясь обхватить ногами. Но вдруг до его сознания дошло, что ногами он ощущает не тёплое девичье тело, а что-то скользкое, неприятное. Матвей в удивлении нырнул и только тут обратил внимание на то, что у девушки вместо ног находится рыбий хвост.

– Русалка! – пронзила его мозг догадка.

Орать, по-моему, он начал ещё под водой, потому что из воды он вырвался с таким трубным рёвом и матом, что русалки заткнули уши пальцами, а дремавшие в роце на

берегу озера грачи и вороны, переполошившись, ещё часа полтора летали над лесом, оглашая окрестности бестолковыми криками.

А Матвей, щучкой вылетев на берег, до самой середины деревни бежал без оглядки, и только остановившись у клуба, где собралось много молодёжи, едва перевёл дух, не понимая, отчего это его все подняли на смех. И только когда оглядел себя, увидел, что перед всеми он стоит совершенно голый и на нём только одни носки.

– Наверное, смеются над тем, что носки дырявые, – подумал Матвей и под хохот и гогот толпы отправился домой.

Я, честно говоря, не поверил пьяным бредням Матвея и посмеялся над ним тоже. Тот бил себя в грудь вяленным карасём и клялся здоровьем местного самогонщика деда Шершавого, что это истинная правда, и за дополнительный стакан самогона пообещался меня проводить на то место.

Чтобы как-то отвязаться от назойливого Матвея и удовлетворить своё любопытство, я взял две литровых бутылка первача, и мы с Матвеем поехали на озеро Чаны.

Когда прибыли на берег, мне Матвей указал на то место, где он видел русалок и сокровища. Ну, время уже было поздноватое, и я не поплыл, надеясь на завтрашний день, когда при солнечном свете я мог лучше разглядеть мифические сокровища или при отсутствии таковых лишний раз посмеяться над Матвеем.

Мы с ним наловили окуньков и сварили уху. Напарник мой выпил пару стаканов первача и, закусив ухой, вскоре своим могучим храпом отгонял всех комаров от нашего пристанища.

А я сидел у костра и задумчиво

ворошил палкой угли костра. Вдруг неожиданно сделалось светло, и я увидел, как над тем местом, на которое указывал Матвей, появился огромный светящийся диск. В отблеске костра я не понял, что там делалось, но, повисев некоторое время над тем местом, диск вскоре потух и также бесшумно исчез. А вслед ему сразу же откуда-то, как бы из глубины озера, раздался полный тоски и злобы приглушённый не то вой, не то стон.

Я так и не понял, что это было, но любопытство меня разбирало до той поры, пока я сам не выплыл на озеро. Доплыв до указанного места, я разделся и стал нырять в прозрачные воды в поисках сокровищ. Поверите или нет, но это место я обнаружил почти сразу.

Открыв глаза под водой, я обнаружил, что нахожусь у нагромождения затопленных огромных цилиндров, густо заросших камышами. То ли это были металлические цилиндры, то ли бетонные кольца, я так и не понял, потому что моё внимание отвлекло множество сундуков, в беспорядке валявшихся на дне и уже почти затянутых песком.

Один сундук, видимо от удара об дно, раскрылся, и было видно, что он наполнен всевозможными сокровищами. Я подплыл и открыл крышку. В пробивающихся сквозь толщу воды лучах солнца тускло заблестели драгоценности.

Воздух в лёгких уже кончался, и я, схватив первое, что попало под руку, задыхаясь и отплёвываясь от попавшей в рот воды, с шумом вынырнул на поверхность. Подплыв к лодке, я обратил внимание на вещь, оказавшуюся у меня в руках. Это было кольцо старинной работы, очень красивое и очевидно очень дорогое.

— Подарю жене! — сразу подумал я и положил это кольцо в лодку. И тут же сразу загорелся желанием проверить, что же ещё находится в сундуках. Набрал побольше воздуха в лёгкие, снова нырнул.

Открыв крышку сундука, я увидел, что помимо драгоценностей там лежала золотая кольчуга. Только взял её в руки, как вдруг мне почудилось какое-то мощное движение воды. В недоумении оглянулся, и ужас обуял всё моё существо: на меня надвигалось доисторическое чудовище...

По прошествии времени, обдумав и проанализировав произошедшие события, я бы назвал это пресмыкающееся хамегуанозавром. Почему? Да потому что он, как хамелеон, менял окрас в зависимости от окружающего ландшафта. Потому его, видимо, и не могут обнаружить ни искатели приключений, ни специально для этого снаряженные экспедиции.

Когда этот монстр выплыл из камышей, он был как бы одного цвета с ними, а когда выплыл на песчаное ровное пространство, цвет его стал помаленьку бледнеть и принимать цвет песка. Правда, это было не сразу, а постепенно. Наверное, от того, что туловище было слишком массивным, чтобы сразу изменить свой цвет. Потому я и успел его хорошенько разглядеть и, главное, запомнить.

Весь вид его в целом напоминал скорее ящера или помесь игуаны с хамелеоном доисторического периода; перепончатые лапы с острыми когтями, зубы мне показались мелкими, а шея не такая уж длинная, как показывают в фильмах ужасов, сверху вдоль спины, начиная с шеи и до кончика хвоста, расположен гребень. Тело покрыто не то чешуей, не то, как

у крокодила, костяным панцирем. Когда он первый раз проплывал мимо меня, я подумал, что мне это всё чудится, и я, протянув руку, прикоснулся к боку этого монстра. Монстр сразу же резко вильнул хвостом и, развернувшись, открыв пасть, неотвратимо стал приближаться ко мне. А я в это время достал кольчугу Ермака и хотел с нею всплывать к лодке и сдать её в местный музей, чтобы подтвердить предположение о сокровищах хана Кучума.

Когда этот хамегуанозавр подплыл ко мне совсем близко, я бросил эту кольчугу ему прямо в морду, и это чудовище с разгона влетело в золотую кольчугу и сразу стало похоже на подводного древнерусского воина.

Вы видели, как несётся торпеда, выпущенная подлодкой по намеченной цели? Видели только в кино? А я примерно так нёсся наяву, когда, бросив кольчугу в морду чудовищу, понёсся к берегу, как торпеда к намеченной цели. Чудовище ринулось за мной. Конечно, я не смог бы уплыть от этого монстра, даже бы если плыл как две торпеды, но здесь просто меня спасло то, что надевшаяся на его туловище кольчуга путала и замедляла движения моего преследователя – подводного стража ханских сокровищ. Иной раз рядом возникали кончики гребня чудовища, которое, видимо, пыталось отрезать мне путь к берегу. Но тяжёлая кольчуга из золота сковывала его движения, и мы к берегу с монстром шли ухо в ухо, как беговые лошади на скачках.

Но ближе к берегу чудовище решило, очевидно, взять реванш. Оно высунуло голову из воды и, мощно загребая воду лапами, резко рванулось вперёд. От злобы чудовище

несколько раз пыталось схватить меня и даже несколько раз успело сильно укусить за левую ногу. Вытекавшая из ран кровь только ещё больше разжигала аппетит подводного монстра. Но я был в таком шоковом состоянии, что не чувствовал ничего. Моей желанной и единственной целью был берег, где был Матвей, где было моё спасение от кровожадной пасти древнего ящера.

Но тут от берега, где у костра лежал пьяный Матвей, потянуло таким перегаром, что у монстра, который никогда не употреблял спиртного и не курил самосада-горлодёра, заслезились глаза, запершило в горле... Чудовище жутко и тоскливо издало странный звук, похожий на тот вой, что я слышал ночью, когда прилетело НЛЮ и скрылось под водой.

В это время я пулей вылетел из воды и ещё метров 250 не мог остановиться. Когда же, наконец, вернулся к остывшему костру, на озере уже было всё спокойно, и тут я вспомнил о лодке и оставленном в ней колье, которое хотел подарить жене. Но охоты плыть за ними не было, тем более не на чем. Лодка, на которой я плавал, была резиновой, и я её привёз с собой. Это раньше рыбаки спокойно оставляли свои лодки на берегу и их никто не трогал, а сейчас оставить лодку без присмотра – всё равно что выбросить её.

Пока я съездил в деревню, выпросил у мужиков подходящую лодку, пока приехал снова к озеру, уже стемнело.

И снова светилось в ночи НЛЮ, и снова слышался ужасный стонвой. А потом разыгралась буря. К утру, правда, всё стихло, и я выплыл на озеро, прихватив для уверенности с собой увесистую суко-

ватую палку, чтобы быть готовым к встрече с хамегуанозавром, если он снова вздумает повидать меня.

Но напрасно я отсекал, как крейсер «Аврора», воды благословенного Чана. Видимо, ночью буря так взбаламутила воду и подняла со дна ил и песок, что ничего не было видно. Не было видно также и моей лодки с колье. Даже следов её нигде не оказалось. Возможно, её сорвало бурей и где-нибудь до сих пор носит по озеру, а может, её прокусило чудовище, и лодка утонула, а колье снова вернулось туда, где было. Не знаю. Но нырять в воду у меня больше желания не было, и я, забрав Матвея, увёз его в деревню, ничего не став ему рассказывать о произошедших со мной приключениях.

После той поездки к озеру у меня отпала всякая охота ездить на рыбалку и тем более искать сокровища. Я до сих пор со страхом вспоминаю оскаленную пасть чудовища и этот жёлто-зелёный немигающий взгляд.

Прошло некоторое время. Когда я обратился в больницу по поводу искусанной чудовищем ноги, мне пришлось перенести несколько операций и долгое время находиться на стационарном лечении. Хотя что ни делали врачи, ногу как следует так и не вылечили. Моим рассказам о сокровищах хана Кучума в Чанах никто не поверил, посчитали за шутку и лишь посмеивались надо мной и моими рассказами.

В ту пору я ещё работал оператором в комхозе, и вскоре по причине сокращения меня благополучно уволили, не дав даже поработать до пенсии четырёх лет, хотя я на этом предприятии отработал более тридцати лет, отдав

ему и молодость, и здоровье. Ну что поделаешь, законы капитализма: своя рука владыка, что хочу, то и ворочу. То есть обыкновенное избавление от неугодных людей под видом сокращения. А ведь там и сейчас ещё до сих пор работают пенсионеры.

Помыкавшись по организациям в напрасных поисках работы, я занялся частным извозом пассажиров. И вот однажды подошли ко мне двое молодых мужчин и, усевшись в машину, попросили их доставить к озеру Чаны. Один мужчина был, скорей всего, татарин, а другой, очевидно, русским. Так, в крайнем случае, я их определил по внешности. Про себя я их называл Татарин и Славянин.

Всю дорогу Татарин заводил со мною разговор о сокровищах хана Кучума. Славянин больше помалкивал, но очень внимательно прислушивался к нашим разговорам. Судя по их репликам, я понял, что это бывшие сотрудники милиции. Но менты ментами, а рожи их больше смахивали на уголовные. Но они вели себя спокойно, рассчитались сразу и полностью.

Татарин всю дорогу расспрашивал, где лучше искать эти сокровища, какая деревня находится в непосредственной близости от этого места и уверял, что он законный наследник всех сокровищ хана Кучума. Я ничего не стал говорить о чудовище, а просто отвёз их в ту деревню, где жил Матвей, и посоветовал им встретиться с самим непосредственным участником тех событий, а сам, сославшись на занятость, тут же уехал. В успех их операции я не верил, и поэтому мне были даже неинтересны результаты их поисков.

Прошло полгода. Как-то, стоя у автовокзала, увидел у закусочной

Матвея, тот пил горячий кофе и закусывал пирожком. Я подошёл к нему, и мы разговорились.

Оказывается, двое приехавших кладоискателей – Татарин и Славянин – набрали самогонки и, уговорив Матвея, поехали на озеро. Погода была, правда, не ахти. Ветер гонял тяжёлые волны, которые с шумом бились в берег, но любителей сокровищ это не смутило. Там они поставили палатку, приготовили лодку и в ожидании хорошей погоды принялись пить, да гулять, да делить сокровища, как кыштовские охотники, делившие шкуру неубитого медведя.

Матвей пил в этот день мало. Во-первых, он что-то занемог желудком, а во-вторых, ему не слишком нравились собутыльники. Чем больше они пили, тем больше скандалили, доказывая свои права на сокровища.

Стемнело. Разразилась гроза, и вдруг над тем местом, где лежали предполагаемые сокровища, всё засветилось, и показалась тарелка НЛО.

– Что это такое? – удивился Славянин.

– По-моему, это инопланетяне, – высказал свои предположения Татарин.

– А они частенько сюда прилетают. Возможно, тоже ищут эти сокровища, – подтвердил Матвей, не вылезая из палатки.

– Слушай, надо плыть и отпугнуть непрошенных гостей, а то сами останемся ни с чем, – подал идею Славянин и пошёл к лодке.

– Ну, уж я их пугну – так пугну, – пробормотал Татарин и достал дробовик, который в разобранном виде лежал в их вещах.

Они столкнули лодку на воду, Славянин сел за вёсла, а Татарин, размахивая дробовиком, стал

громко кричать, чтобы инопланетяне убирались ко всем гуманоидам и не смели покушаться на их законное наследство.

Вдруг вода забурлила перед ними, и, оперевшись на стоявший казык, к которому были привязаны сети Матвея, вынырнул во всей своей красе страж озера Чаны и ханских сокровищ. В это мгновение прогрохотал гром и блеснула молния. В её свете Татарин успел разглядеть только золотую кольчугу, надетую на чудовище. Оно так, видимо, до сих пор и плавает в этом одеянии, не в силах освободиться от него. Увидев кольчугу, Татарин заорал:

– Ермак!

И, бросившись в воду, быстро поплыл к берегу.

Славянин не понял, в чём дело, и, вскочив в лодке, дико озирался по сторонам, пытаясь разобраться в происходящем. В это время молния блеснула опять, и он увидел уже погружающегося в воду монстра. И тоже, увидев кольчугу, заорал на всё озеро:

– Ермак Тимофеевич! Братан! Покажи то место, где спрятал свои сокровища хан Кучум!

И, не раздумывая, бросился в воду следом за исчезающей в бурных водах кольчугой.

Матвей больше никого не видел. Перепугавшись, он замотался в палатке и сидел тише мыши, пока не рассветало. Утром, как только первые лучи солнца осветили берег, он, выбравшись из палатки, мелкой рысью хватил в свою деревню, пообещав себе больше со всем не бывать на озере.

А Татарин впоследствии описывал в газете «Жизнь» свою версию так: «Мимо нас проплыло что-то громадное, и от буруна воды лодка перевернулась. Я тут же поплыл

к берегу, а напарник задержался. Когда я выплыл на берег, в воде уже никого не было». И всем показывал то место, где у него случилась встреча с неизвестным объектом.

А от Славянина потом нашли в озере только изжёванные сапоги. Так вот по-разному люди излагают свои версии о чудовище в озере Чаны, и что из них правдивее, судить вам, дорогой читатель.

АМБАКУЛЬ

Давным-давно в Сибири жил богатый Амба. Звали его ещё и Амбалом, что по-казахски означало «Большой». Занимался он в основном рыбалкой и охотой.

Когда пришла старость, понял батыр Амба, что годы взяли своё и силы уже не те, что в молодости. И решил он тогда, пока его руки ещё могут держать заступ, выкопать себе озеро, чтобы под старость лет далеко не ходить за водой и добычей. Чтобы птица и рыба всегда были рядом.

Долго и упорно копал батыр огромный водоём. А когда силы стали уже покидать его, взмолился он Аллаху, и тот послал на землю сильный ливень.

Наполнился котлован, выкопанный Амбалом, водой, берега заросли камышом и травой, а в воде стала водиться рыба-карась, и стали прилетать и обитать на этом гостеприимном и богатом кормом озере птицы. Теперь Амбе не надо было ходить далеко в поисках добычи. Добыча теперь сама находилась возле его жилища.

Так батыр обеспечил себе старость, а озеро это впоследствии называли Амбакуль – Большое озеро – в честь богатыря, создавшего его.

Раньше в этом озере было много всякой рыбы, которая между собой жила очень дружно, пищи всем хватало, и всё было тихо и мирно в этом водоёме.

Но как-то однажды, видимо, птицы на лапках занесли в это озеро икринки окуней. Когда окуньки вылупились из икры и были обыкновенными головастиками, все остальные рыбы ухаживали за ними, холили и лелеяли незнакомых полосатых мальков.

Прошло время. Мальки подросли и превратились в больших хищных рыб. И начали они обижать и притеснять остальных обитателей озера. Поначалу все рыбы отнеслись к их поведению, как к шалости подрастающего поколения, но, когда Окунь стали поедать и уничтожать икру и молодь других рыб, все возмутились, но было уже поздно. Окунь выросли, окрепли и начали беспощадно изводить остальных обитателей водоёма. Противостоять им уже никто не мог.

Вскоре Окунь настолько уничтожили молодь рыб других пород, что там уже не стала водиться никакая рыба, кроме окунёвых пород.

Поэтому этому озеру впоследствии дали название Алабуга – Окунёвое озеро.

БАЛМАН

На берегу одного из озёр Сибири росло много цветов, которые облюбовали пчёлы, чтобы брать с них нектар. И настолько в этих цветах было много нектара, что пчёлам было даже тяжело возвращаться на пасеку, и они постепен-

но поселились на берегу этого озера и одичали.

И в конце концов, там столько образовалось пчелиных семей, что люди, приезжавшие на отдых или на рыбалку на это озеро, обязательно уезжали домой с гостинцем – найденными сотами с мёдом. И до того этот мёд был вкусным и целебным, что вскоре люди сюда стали ездить в основном только за мёдом. И только не выносили пчёлы запаха алкоголя и табака, и поэтому тому, кто лез за мёдом под хмельком, изрядно доставалось от укусов пчёл.

Но людская жадность не знает границ, и вскоре после того, как расползлись слухи о привольном медовом царстве, все пчелиные семейства были разорены, цветы все повытоптаны, а трава скошена на сено. Постепенно пчёлы в этих местах вывелись, так как соты их были все разграблены и разорены.

Хотели было люди сделать эти места заповедными, но было уже поздно: пчёлы больше не вернулись в разоренные места. И только осталось с тех пор название озера Балман – Медовое озеро.

КАК ОБРАЗОВАЛОСЬ ОЗЕРО САРТЛАН

Раньше озеро Чаны было большим и очень глубоким. Даже больше Байкала. И жил на берегах озера большой Орёл, который в основном любил питаться рыбой. Но как только он, распластав свои широкие крылья, летел над озером, вся рыба пряталась на глубину, и поэтому могучая птица не всегда могла поживиться рыбным блюдом. Это раздражало Орла, так как он и его семейство оставались голодными. А рыбы смеялись над

тщетными попытками птицы, чем ещё больше раздражали Орла.

Однажды он полетел в тёплую страну и поймал там Верблюда.

– Я тебя сейчас заклюю! – зловеще произнёс он, вонзая когти в несчастное животное.

– Пощади! – взмолился Верблюд. – Я всё сделаю для тебя!

– Хорошо, – согласился Орёл, – так как ты можешь выпить очень много воды, я хочу, чтобы ты для меня выпил озеро. Если ты выполнишь мою просьбу, я тебя не трону и доставлю обратно.

Верблюд радостно согласился. Орёл схватил его и перенёс на берег озера Чаны. Корабль пустыни жадно припал к воде и стал втягивать её в себя. Он пил очень долго. Горбы его раздулись, пузо разбухло, но и воды в озере сильно побавилось, и рыбе стало некуда прятаться.

Орел обрадовался и кинулся ловить рыбу. Наевшись до отвала, уселся около Верблюда, который, опившись воды, лежал на берегу.

– Отнеси меня обратно в пустыню, – попросил он птицу, – я ведь выполнил твою просьбу.

Орёл согласно кивнул и, схватив животное, понёс его обратно. Но, объевшись рыбой, он долго не мог нести Верблюда, переполненного водой: когти его разжались, и бедное животное рухнуло на землю.

От сильного удара горбы и брюхо его лопнули, и вся вода вытекла. И вытекло её столько много, что образовалось новое озеро, которому впоследствии дали название Сартлан. Это название образовавшемуся озеру дали проживающие там татары. Ибо это слово на их языке означает «лопни».

Поэтому озеро и назвали в честь лопнувшего Верблюда.

ВОЛШЕБНОЕ ОЗЕРО

Жил в давние времена в Сибири татарин Карачи. Всю жизнь он занимался лошадьми, и у него был большой табун. Но к старости, когда уже стали ныть и болеть все кости и суставы, решил он закончить кочевую жизнь и осесть где-нибудь в тихом месте.

Долго ездил он по бескрайним сибирским просторам и вот однажды наткнулся на небольшое озеро, вода в котором была очень солёной. Попробовал её старик на вкус и сплюнул:

– Какая, однако, горькая вода! Ни самому попить, ни коней напоить!

А местность ему понравилась, и когда он стал обходить окрестности, вдруг увидел бьющий из-под земли источник, на который обрушился ствол старого подгнившего дерева.

– Уж не из-за этого ли вода в озере солёная, что ствол заткнул источник, и вода не поступает в озеро? – подумал старый Карачи и оттащил подгнившее дерево в сторону.

Освобождённый источник весело зажурчал прозрачной водой, а старика вдруг снова скрутила его болезнь, выворачивая суставы и кости. Свалился татарин от боли на берегу, катается, весь в грязи вывозился, измарался.

– Умру, однако, грязным, – то скливо подумал Карачи и, превозмогая боль, решил обмыться в этом же озере.

После купания его потянуло в сон. Лёг старик тут же, на бережку, и сразу же уснул. А во сне явилась к нему писаная красавица и сказала:

– За то, что очистил источник,

питающий это озеро целебной водой, обмажся несколько раз грязью из этого озера, искупайся в его целебных водах – и будешь чувствовать себя, словно молодой джигит.

Проснулся татарин и долго не мог понять: то ли девушка ему приснилась, то ли являлась к нему на самом деле? Но всё-таки решил сделать так, как она ему посоветовала: стал мазаться грязью и купаться в солёном озере. Вскоре он почувствовал себя совсем здоровым и энергичным.

– Тогда, однако, здесь я и останусь жить! – твёрдо решил Карачи и поставил на этом месте свою юрту. Тем более что по обе стороны этого солёного озера он обнаружил два озера с пресной водой.

Когда старик понял, что вода и грязь этого озера действительно лечебные, то задумался: что делать?

Ночью ему приснилась девушка, которая вновь присоветовала:

– Раз тебе, дедушка, озеро помогло, то и ты помогай другим: приглашай всех больных и немощных сюда на излечение. А волшебное озеро поможет всем!

Карачи так и сделал. Везде и всюду Карачи объявлял о волшебном озере и всем демонстрировал, как оно его из немощного старика превратило в настоящего джигита.

Прослышав о чудесном озере, к нему спешили толпы больных и хворых и, искупавшись в нём, возвращались обратно здоровыми и помолодевшими.

Слава об этом источнике здоровья разнеслась по всей Сибири и далеко за её пределами, и вскоре между озёр вырос посёлок, который впоследствии в честь его первооткрывателя назвали Карачами.